

УТВЕРЖДАЮ

И. о. ректора ФГБОУ ВО

«Тверской государственный университет»

д-р филол. наук, профессор

Л.Н. Скаковская

«21» 03 2018г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации – Тверского государственного университета
о диссертационной работе Закроевой Галины Андреевны**

**«Поэтика сна в творчестве Б.Л. Пастернака», представленной на
соискание ученой степени кандидата филологических наук**

по специальности 10.01.01. – Русская литература.

В последние годы было написано несколько важных филологических работ о мотиве сна и, казалось бы, тема была закрыта. Сон в творчестве Пастернака как филологическая проблема — еще одно уточнение в ряду «золотых снов» русской литературы. Однако на самом деле диссертация становится важной вехой на пути изучения мотива сновидения (с одной стороны), а также изучения поэтики Пастернака (с другой), и ее научная новизна не вызывает сомнений.

Действительно, изучение мотива сна позволяет взглянуть на творчество Пастернака как единый текст и выявить важные смыслообразующие мотивы, характеризующие как прозу, так и поэзию. Более того, автор диссертационного труда говорит не только о частотности мотива сна (что

легко доказываемая с помощью словаря частотных слов), но и о специфике сюжетообразования (мотив пробуждения в самых разных по родовым и жанровым характеристикам текстах имеет сюжетообразующую функцию). И очень важной для пастернаковедения находкой является описание мотивно-тематического комплекса сна, который оказывается уникальным и в таком сочетании не встречается в текстах других авторов: со сном связаны такие мотивы как «звук», «вода», «окно», «природа» и «женщина» (см. с. 19-20).

В диссертации Г.А. Закроевой поставлены актуальные на сегодняшний день вопросы: насколько репрезентативен один мотив, что дает он для понимания всего творчества поэта и может ли стать основой интерпретации. Ответ на эти вопросы безусловно положительный. Сон для творчества Пастернака — мотив не просто частотный, но семантически сложный, соединяющий вокруг себя родственные мотивные поля и становящийся инвариантным. Интересна здесь и логика диссертанта: сон становится важным звеном в декларациях автора, что позволяет посмотреть на реализацию сновидческих деклараций в творчестве и изучать сновидение как часть художественного текста (т. е. онейропоэтику). Отсюда и *цель* диссертации: «изучить закономерности функционирования сновидческих мотивов и онейрических текстов в творчестве Пастернака и интерпретировать символику сновидения в поэтике Пастернака» (с.17).

Достоверность исследования обеспечивается тщательным отбором значительного по своему объему исследуемого материала: проанализировано *все* творчество Пастернака, причем отбор материала производился не только по формальным признакам (наличию\отсутствию слова «сон» и его грамматических производных), но и по семантическим шкалам (так, для анализа взято стихотворение «Ветер», в котором нет слова «сон», но есть мотив колыбельной песни, а также набор мотивов, характерный для онейрического мотивного комплекса).

Структура диссертации изящна и продумана до мелочей: первая глава посвящена сонным и сновидческим мотивам поэзии Пастернака, вторая —

сну в повести «Детство Люверс», третья — роману «Доктор Живаго», в котором анализируется и сюжетообразование прозаических глав, и семантика сна в книге стихов Юрия Живаго, что возвращает нас к разговору о поэзии.

Первая глава по своему содержанию принципиально важна. Именно здесь исследователь намечает инвариантное единство мотива сна: это и частотность лексем, и их разнообразие, и соотнесенность с другими лексемами и мотивами. Так, автор отмечает, что для сна в поэзии Пастернака характерна детализация цвета, запаха, а самое главное — звука, который может иметь вариации: либо это звук, слышимый во сне лирическим субъектом, либо звук, пробуждающий ото сна. И в том, и в другом случае мотив в поэзии сна связан со звуком (иногда это чей-то голос, иногда звуки природы, стук в окно и т. п.). Интересные наблюдения касаются и интертекстуальности лирики Пастернака: Г.А.Закроева объясняет, например, что «сокол сна» у Пастернака — это отголосок мотива, взятого, вероятно, у С.П.Боброва (сокол, приносящий Сому) (с. 27) (кстати, не напоминает ли сон в «Сказке» сна Пети Ростова (с. 163)?).

Отдельно следует сказать об интерпретации стихотворения «Август» (она дается дважды, в 1 и в 3 главе, вероятно потому, что это «вершинное произведение Пастернака» (с. 34)). Дело, вероятно, не только в том, что в тексте дается «пересказ лирическим «я» увиденного им сновидения» (с. 35), но и в том, что сновидение это дополняется мотивом пробуждения, также характерным для лирики Пастернака, и становится «приемом выражения идеи преобразования или воскрешения» (с.36). При этом в тексте присутствуют все дополнительные мотивы, присущие мотивному комплексу: упоминается «бросающая вызов женщина», описывается природа («мелкий, нищенский, / нагой кладбищенский ольшаник»), намечается мотив окна (сквозь которое «проникло солнце утром рано»), мотив воды в виде слез героя, которыми «увлажнена подушка», а главное — звучит голос умершего, «не тронутый распадом», который и знаменует бессмертие. Одно

стихотворение собирает в себе весь мотивный комплекс и потому становится показательным.

Вообще автор увлечен подробностями, что по большей части идет на пользу диссертации, но иногда и во вред. Так, Г.А. Закроева иногда уточняет факты, которые далее никак не интерпретируются, а интерес к ним ничем не мотивируется: «Основными тропами, используемыми Пастернаком в этом стихотворении <«Морской штиль» - С.А.>, являются метафора и метонимия» (с. 34), «онейрический текст наполнен средствами художественной выразительности, такими как метафора... , сравнение...» (с. 36) и т. п. Здесь необходимо либо пояснять, почему вид тропеичности так важен для онейрического текста, либо акцентировать внимание на чем-то более важном и поддающемся истолкованию.

Особенно важен тот факт, что диссертант очень бережно обращается с текстом, стремится не сосредоточить внимание только на «своем» мотиве, а объяснить смыслообразование целого, исходя из мотива сна. Правда, и здесь однажды возникает сбой: цитата из стихотворения оказывается неточной: «Любимая — жуть! *Как* <вместо *когда* — С.А.> любит поэт...» (с. 46), но мы надеемся, что это скорее техническая погрешность, чем нарушение суверенных авторских границ. Впрочем, некоторые небрежности мы находим, увы, и в речи, и в грамматике, и в пунктуации диссертации.

Интересны замечания автора, касающиеся противопоставления сна и бессонницы в стихотворении «Музыка»: «сон — метафора творческого процесса, тогда как создание произведения связано с постоянным бодрствованием по ночам» (с.49). Замечания В.С. Баевского о сне как творчестве здесь дополняются идеей о совершенно особой трактовке «бессонности», что подтверждается и другими стихотворениями. «Неспящий художник» Пастернака не тождественен героине «без сна» Цветаевой уже потому, что «бессонница» в мире Пастернака сопряжена со страданием и потерей себя (что подтверждается в дальнейшем анализом эпизодов бессонницы Стрельникова в романе «Доктор Живаго»).

В целом первая глава становится самой важной для диссертации (не потому, что сделанные в ней выводы важнее и интереснее остальных, а потому, что именно в ранней поэзии Пастернака намечаются сновидческие закономерности, которые потом входят в прозу). Однако остаются и вопросы, которые хотелось бы прояснить. Например, почему автор исследования не выделяет фазы сна лирического субъекта и не анализирует их частотность: начальная фаза (подготовка ко сну, засыпание), непосредственно сон, пробуждение (вот об этой последней фазе речь идет довольно подробно). Иногда о тексте говорится очень фрагментарно, так, стихотворение «Мутится мозг. Вот так? В палате?...» комментируется слишком скупой: «Мотив «ложились спать» говорит о времени, когда произошло убийство» (с. 50), хотя перед нами уникальный пример описания в стихотворении нелепой смерти (нелепой — потому что еще не спали, т. к. по логике автора после сна и пробуждения смерть не страшна), и эта мысль еще раз подтверждает концепцию диссертации.

Раздел «Мифопоэтика сна» (с. 68) — очень интересный и в то же время наименее удачный во всей главе. Не сомневаясь в заявленной концепции, мы рискнем предположить, что в силу своей «культурной основы» сон становится «источником нового знания для лирического субъекта» (с. 70) вовсе не только у Пастернака, а значит, мотив сна не имеет индивидуальной космогонической характеристики. Иными словами, космогония у Пастернака существует не потому, что это отличительная черта его мира и поэтики, а потому, что сон мифологичен по своей сути.

Кроме того, автор делает здесь оговорку о том, что сон исследуется «как в лирике, так и в прозе» (с. 68), что просто неграмотно, поскольку лирика (и эпос) — это литературный род, а проза (и стих) — способ организации художественной речи.

И наконец, в этом же разделе автор делает следующее предположение: «Если минимальные темы, связанные со сном, расположить по частотности убывания, получится следующий тематический ряд: звук, вода, окно,

природа, женщина. В такой последовательности тем наблюдается отражение космогонического мифа» (с. 77). Забавное наблюдение о частотности перетекает в разговор о структуре и архитектонике художественного мира. Однако последовательность частотных слов никак не может стать основой художественного мира, поскольку не линейна и недоступна для рефлексии читателя.

Эти по сути мелкие досадные упущения мешают в полной мере оценить гораздо более важные и показательные достижения диссертанта и выводы о том, что «тематический комплекс онейрических стихотворений Пастернака не встречается в стихотворениях о сне других авторов» (с. 79). Кстати, откуда такое предположение? Автор полагается на отсутствие частотности составляющих мотивного комплекса у других авторов? Но чтобы поколебать доказательную базу, частотность и не нужна, достаточно одного стихотворения. Например, стихотворение И.Бродского «Любовь» (1971) содержит в себе практически все мотивы из мотивного комплекса Пастернака за исключением воды: звук (фраза, сказанная во сне), окно, природа и женщина (во сне беременная). Текст этого же автора «Пришел сон из семи сёл...» (1964) содержит мотивы воды (ручей и дождь), окна («окна смотрят на север»), природы («уронил подсолнух башку на стебель»), женщины (дева) и даже звука («отчего молчишь»). Полагаем, можно найти и другие, более показательные примеры.

Глава 2 посвящена мотиву сна в повести «Детство Люверс». Действительно, с точки зрения мотива сна весь текст прочитывается довольно свежо и неожиданно; сон становится мотивом, позволяющим проследить движение героини по пути взросления, а мотив пробуждения указывает на творение мира. Важно, что в прозе сохраняется тот же мотивный набор, что и в поэзии, на основании чего автор справедливо делает вывод о единстве поэтического мира Пастернака, который «можно представить себе в виде набора подобных тем» (81). Правда, слово «набор» кажется нам не слишком удачным, набор тем — это всего лишь перечень, а

здесь речь идет о соотношении мотивов, т. е. о системе, которую Г.А.Закроева блестяще анализирует далее.

Одно из важных достижений диссертанта – описание сна как элемента инициации героини, причем сон становится характеристикой всех элементов мира: и природы, и самой героини, и трех «Мойр»-девочек, которых видит Женя (см. с. 92). Поэтому неслучайно «мотив пробуждения в повести... связан с мифом о творении» (с. 102).

Ну и, конечно, интерес представляет 3 глава, в которой анализируется сон в романе «Доктор Живаго». Здесь следует отметить, что Г.А. Закроева, ссылаясь на сказанное о романе Пастернака вообще и о поэтике сна в частности, вносит и свой вклад в трактовку текста. Так, замечание о том, что хоть мотив сна и не становится в романе центральным мотивом, но «сонное состояние и способность видеть сны у Пастернака становятся знаками особой отмеченности персонажа в романе» (с. 105), бесспорно, многое объясняет в тексте романа: сны сняты всего двум героям романа — Ларе и Юрию Живаго. Причем зачастую в художественной ткани романа сонное бормотание героя сопряжено с шепотом листьев и шорохом ветра, а значит, человек и природа становятся частями единого целого (опять же, это характерно всего для двух героев). Интересно и наблюдение о снах Живаго и пробуждениях Лары как частотных сюжетных ситуациях.

Диссертация обращает на себя внимание попыткой через призму категории мотива сна исследовать мотивное единство творчества поэта (поэзии и прозы), выявить закономерности, присущие этому миру. Так, в целом мотив пробуждения и в поэзии, и в прозе оказывается более значимым, чем мотив сна как таковой.

Все высказанные нами замечания и вопросы не умаляют значимости работы. Она представляет собой оригинальное и завершенное исследование, которое, бесспорно, можно квалифицировать как весомый вклад в изучение творчества Пастернака, а также теорию мотива сна в литературе.

Диссертация Г.А.Закроевой на тему «Поэтика сна в творчестве Б.Л. Пастернака», представленная к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, является законченной научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований делаются важные для изучения творчества Б.Л. Пастернака выводы. Особенно важными в историко-литературном плане представляются нам следующие тезисы:

1. Сон становится тем мотивом, с помощью которого автор подбирает универсальный код к загадке Пастернака, поскольку «в творчестве Пастернака чувство счастья и блаженства связано со снами» (181) и в целом «сон для Пастернака — это метафора творчества и самой жизни» (183).

2. Сон в творчестве Пастернака реализуется и в прозе, и в поэзии, и всякий раз обрывает сходным комплексом мотивов, образующих уникальный мотивный комплекс.

3. У мотива сна в творчестве Пастернака есть свои закономерности и функции (см. Заключение).

Положения диссертации отражены в 3 ВАКовских и 8 обычных публикациях по теме диссертации, автореферат полностью соответствует структуре и содержанию диссертационного исследования.

Тема диссертации соответствует избранной специальности. По своей актуальности, научной новизне, объёму выполненных исследований и практической значимости полученных результатов представленная работа соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор достоин присуждения искомой степени по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен кандидатом филологических наук, доцентом кафедры истории и теории литературы ТвГУ Светланой Юрьевной Артёмовой,

обсужден и утвержден на заседании кафедры истории и теории литературы
ТвГУ (протокол № 2 от 20 марта 2018 г.)

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и теории
литературы ТвГУ

Светлана Юрьевна Артёмова

Зав. кафедрой
истории и теории литературы ТвГУ
кандидат филологических наук
доцент

Ольга Святославовна Карандашова

Подпись _____
ОСТОВЕРЯЮ Проректор по НИД

И.А. Каплунов

Адрес организации: 170100 Тверь, ул. Желябова, д. 33. Тверской
государственный университет.

Адрес кафедры истории и теории литературы: 170002 Тверь, проспект
Чайковского, д. 70, 33 ауд.

Электронный адрес: svart1@yandex.ru Телефон: 89206801675